

Гудок

Река в этом году стала замерзать рано, но как-то неровно: то подмерзнет, то оттает, особенно у берегов.

Левка бежал в воскресную школу. Рядом торопился за хлебом его сосед, Алешка. По дороге они ухитрились поспорить: пытались выяснить вопрос, почему кое-кто не любит евреев, да не сошлись во взглядах. Кончилось тем, что Левка побежал по мосту, а Алешка решил не набрасывать круг и прорваться по реке.

Уже на середине моста Левка вдруг услышал крик: Алешка-таки провалился. У самого берега! Левка стремглав сбежал вниз, но подобраться к товарищу не смог: лед угрожающе подламывался у него под ногами. На берегу, к счастью, лежало старое, кем-то брошенное весло. Ползком Левка подтолкнул его поближе к другу и крикнул: — Держись!

Но дотянуться до весла Алешка не мог: тяжелая намокшая одежда тянула его вниз. И тогда Левка, двигая весло из стороны в сторону, чтобы самому не провалиться и все же добраться до дружка, начал кричать и звать на помощь поселковых. Полз и кричал, полз и кричал...

Сколько это продолжалось, он не помнил. Наконец, с берега их увидели и услышали идущие на смену рабочие. Выстроившись цепочкой, они сняли с себя ремни и, держась за них, вытащили ребят. А Левка все кричал и кричал... — Да перестань ты гудеть, гудок!

Только тогда Левка понял, что все худшее позади. Алешку занесли в ближайшую избу и оказали ему первую помощь, а Левка побежал в школу. Он, конечно, опоздал на три урока. В коридоре снял мокрые сапоги, носки и куртку. Учительница спросила: «Ты как, в порядке?» Он кивнул. Она погладила Левку по голове и заставила переодеться в чей-то спортивный костюм, висевший с прошлого года на вешалке.

С тех пор в поселке его стали звать «Гудком». Выздоровевший Алешка смеялся: — У нас у всех есть уличные прозвища: дед Пирка, баба Латуха, мы — Шарварки, а вы теперь — Гудки!

Левка не обижался: «Гудок», так «Гудок»! И тоже смеялся — от счастья, что смог помочь другу.